

# HISTORY OF THE EAST

## Universal history

### ИСТОРИЯ ВОСТОКА

#### Всеобщая история

Научная статья  
УДК 94(517.9)«1207/1208»  
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-380-405>

Исторические науки

### Тангутский плен Чингис-хана

**Юлий Иванович Дробышев**

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,  
altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

**Аннотация.** В статье выдвигается гипотеза о пленении Чингис-хана тангутами во время его похода на тангутское государство Си Ся в 1207–1208 гг. Единственный источник, сообщающий эту информацию, – сочинение побывавшего в 1253–1255 гг. в Монголии Гильома де Рубрука. Никаких подтверждающих сведений до сих пор не обнаружено, однако нет и данных, которые полностью исключали бы вероятность попадания Чингис-хана в плен. На основании китайских, монгольских, персидских, тибетских и тангутских источников автор реконструирует картину монгольских вторжений в Си Ся в поисках момента, когда данное событие имело максимальные шансы произойти. Особое внимание уделяется целям, которые монголы могли ставить в каждом из пяти документально зафиксированных нападений на страну тангутов. Анализ источников позволяет предполагать, что характер этих набегов резко изменился после второй тангутской кампании 1207–1208 гг.: грабительские рейды сменились полномасштабной войной, завершившейся подчинением Си Ся монголам. Возможно, причиной этого была месть за пребывание монгольского вождя в тангутской неволе. Также кратко обсуждается вероятность пребывания Чингис-хана в плену в империи Цзинь, о чем тоже имеется лишь одно сообщение в сочинении китайского дипломата XIII в.

**Ключевые слова:** Чингис-хан; Чингис-хан, его плен; тангуты; Си Ся (1038–1227); Западное Ся; Западное Ся, монгольское завоевание 1225–1227; Гильом де Рубрук; монголо-тангутские войны; чжурчжэни; империя Цзинь (1115–1234)

**Для цитирования:** Дробышев Ю. И. Тангутский плен Чингис-хана. *Ориенталистика*. 2021;4(2):380–405. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-380-405>.



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.





## Tangut captivity of Genghis Khan

Yuliy I. Drobyshev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

*altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

**Abstract.** The article puts forward a hypothesis about the capture of Genghis Khan by the Tanguts during his attack on the Tangut state of Xi Xia in 1207–1208. The only source that provides this information is the work of Guillaume de Rubruk, who visited Mongolia in 1253–1255. No supporting information has yet been found, however, there is no data that would completely exclude the possibility of Genghis Khan being captured. On the basis of Chinese, Mongolian, Persian, Tibetan, and Tangut sources, the author reconstructs a picture of the Mongol invasions into Xi Xia in search of the moment when this event had the maximum chance to occur. Special attention is paid to the goals that the Mongols may have set in each of the five documented attacks on the Tangut country. Analysis of the sources suggests that the nature of these raids changed dramatically after the second Tangut campaign of 1207–1208: predatory raids were replaced by a full-scale war, which ended with the submission of Xi Xia to the Mongols. Perhaps the reason for this was revenge for the stay of the Mongol leader in Tangut captivity. The possibility of Genghis Khan being held captive in the Chin Empire is also briefly discussed, which is also only reported in a thirteenth-century Chinese diplomat's essay

**Keywords:** Genghis Khan; Genghis Khan, captivity, his; Tanguts; Xi Xia (1038–1227); Western Xia; Western Xia, Mongol conquest of 1225–1227; Rubrouck de, Guillaume; Rubruck of, William; Mongol-Tangut wars; Tribes, Jurchen; Jin Empire (1115–1234)

**For citation:** Drobyshev Yu. I. Tangut captivity of Genghis Khan. *Orientalistica*. 2020;4(2):380–405. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-380-405>.

*Как, однако, тогда восток был крепче запада!  
Ведь такое маленькое ц-во как Ся, так близкое к владениям  
Чингисхана<sup>1</sup>, продержалось дольше, чем западный Туркестан и Персия!*

В. Васильев. К хронологии Чингисхана и его преемников (1889)

### Введение

Гильом де Рубрук (ок. 1220 – ок. 1293), посланец французского короля Людовика IX (1226–1270) к монголам, – единственный средневековый автор, кто говорит о пленении Чингис-хана тангутами: «За ними (уйгурами. – Ю. Д.) к востоку, среди упомянутых гор, живут тангуты, очень

<sup>1</sup> В отечественной историографии встречаются разные написания звания Чингисхана (Чингисхан, Чингиз-хан). В статье в цитатах и названиях цитируемых источников сохранено написание оригинала. – Ю. Д.



храбрые люди, которые пленили на войне самого Чингиса; по заключении мира он был ими отпущен, а впоследствии покорил их» [1, с. 127]<sup>2</sup>. Фактических данных, которые полностью исключали бы вероятность этого события, нет, как не найдено и никаких подтверждений.



Рис. 1. Кадры из кинофильма режиссера С. В. Бодрова «Монгол» (2007)

Fig. 1. Frames from the film by director Sergei V. Bodrov *Mongol* (2007)



Просматривайте «оживающие» фотографии с эффектом «дополненной реальности». Наведите камеру вашего гаджета на QR-код. Кроме устройств, поддерживающих мобильную операционную систему IOS 14.0, Android 6.0 (и выше), потребуется установить бесплатное приложение Меморис в App Store или Google Play. После загрузки видеоконтента из сети Интернет направьте камеру на обложку журнала и иллюстрации, отмеченные специальным значком Меморис.



View the «come to life» photos with the «augmented reality» effect. Point the camera of your gadget at the QR code. In addition to devices supporting the mobile operating system IOS 14.0, Android 6.0 (and higher), you will need to install the free Memories application in the App Store or Google Play. After downloading video content from the Internet, point the camera at the cover of the journal and the illustrations marked with a special Memories icon.



<sup>2</sup> На языке оригинала: «Post istos sunt et ipsi Tangut ad orientem inter montes illos, homines fortissimi, qui ceperunt Chingis in bello; et, pace facta, dimissus ab eis, postea subjugavit eos» [2, с. 288]. Латинский текст в издании Р. Хэклейта аналогичен [3, с. 92]. Ср. современный английский перевод: [4, с. 157–158]. В средневековой европейской историографии это сообщение не нашло никакого отклика (за консультацию по этому вопросу благодарю Р. В. Хауталу), зато отразилось в современном кинематографе: с эпизода тангутской неволи Тэмучжина начинается художественный фильм Сергея Бодрова-старшего «Монгол» (2007).



Имеющиеся немногочисленные попытки ученых пролить свет на сообщение Рубрука либо ограничиваются констатацией отсутствия в источниках данных, которые бы его подтверждали [5, с. 47], либо с очевидностью несостоятельны. Так, еще более века назад У. Рокхилл выдвинул предположение, что легенда возникла в ответ на вынужденное снятие монголами осады с тангутской столицы – г. Чжунсина во время кампании 1209–1210 гг. [6, с. 150]. Н. П. Шастина говорит, что «Упоминание Рубрука о пленении Чингисхана тангутами вызвано, вероятнее всего, фактом его смерти в 1227 г., во время похода на Тангут» [7, с. 398]. Обе версии выглядят слишком натянуто. Несколько разочаровывает тот факт, что известный отечественный специалист по тангутам К. Б. Кепинг, разбирая в одной из своих статей несколько пассажей из сочинения Рубрука, оставляет данный эпизод без внимания, хотя, казалось бы, она не должна была пройти мимо этого в высшей степени любопытного сообщения [8, с. 199–200].

На данный момент наиболее реалистичной представляется идея немецкого историка Фридриха Риша, увидевшая свет еще в 1934 г. По мнению ученого, Рубрук перепутал на слух тангутов с тайчиутами, у которых, действительно, юный Тэмучжин находился некоторое время в колодке [9, с. 164]. Этот трагический отрезок его жизни освещен в важнейших источниках: «Сокровенном сказании монголов» [10, § 79–87] и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [11, с. 172–173] – и не подвергается сомнению. На этом можно было бы поставить точку и считать, что мы просто имеем дело с ошибкой средневекового автора, однако есть два обстоятельства, заставляющие отнестись к словам францисканца более серьезно.

Во-первых, Рубрук точно показал взаимное расположение владений уйгуров и тангутов и земель, принадлежавших хагану Мункэ (1251–1259), упомянул прирученных тангутами яков, а также отметил высокий рост тангутов [1, с. 127–128] (эта этнографическая деталь известна также из других источников, включая и собственно тангутские [12, с. 223, 227]). Таким образом, он имел в виду именно этот народ, а не какой-то другой. Даже если ошибка была допущена, то не самим европейским миссионером, а его информатором.

Во-вторых, он не единственный, кто записал сведения о пребывании Чингис-хана в плену. Сюжет иноземного пленения основателя Монгольской империи обнаруживается еще и в китайском источнике, хотя речь там идет о другой стране – чжурчжэньской империи Цзинь. Побывавший в 1221 г. у монголов южносунский посол Чжао Хун утверждал: «Чингис в малолетстве был захвачен в плен цзиньцами, обращен в рабство и только через десять с лишним лет бежал. Поэтому [он] знает все дела государства Цзинь» [13, с. 49]. Это заявление также уникально: другие доступные исследователям источники его не подтверждают, но, как и в случае с информацией Рубрука, принципиальных возражений оно не вызывает. Более того, в отличие от францисканца, не обладавшего дипломатическим



статусом и не могшего рассчитывать на предоставление опытного переводчика, Чжао Хун был официальным представителем соседней державы, в то время фактически являвшейся союзником монголов в борьбе против Цзинь. Несомненно, в его задачи, как и в задачи Рубрука, входил сбор разведанных о монголах, а его возможности ввиду его полномочий должны были быть существенно шире.

Рашид ад-Дин сообщает даже о многократном пребывании Чингис-хана в неволе в молодые годы, хотя не называет в числе пленителей ни тангутов, ни чжурчженей: «Чингиз-хан в те годы испытал различного рода бедствия от племени тайджиут и других старших и младших родичей, [равно] и от племени джуръят, меркит, татар и прочих. Разные племена его неоднократно захватывали в плен, а он освобождался из их рук различными способами и средствами» [14, с. 248]. Учитывая бурный характер той эпохи, по-видимому, можно вполне доверять этим словам хорошо информированного персидского историка.

Поскольку к цитированным сообщениям исследователям практически нечего добавить, кроме собственных предположений, подкрепленных только опытом и эрудицией, вопрос плена Чингис-хана в исторических трудах, как правило, не поднимается, хотя еще В. В. Бартольд выражал сомнение в том, что «монгольское предание не сохранило ни одного намека на период в жизни Чингиз-хана, продолжавшийся целых 10 лет» [15, с. 262]. Выдающийся монголовед И. де Рахевильц считает сообщение Чжао Хуна беспочвенным [16, с. 126]. Напротив, Л. Н. Гумилев высказал догадку, что посол Южной Сун привел верную информацию, проливающую свет на период в жизни Тэмуджина протяженностью около 16 лет, замалчиваемый как официальной, так и неофициальной монгольской историографией<sup>3</sup>: «Оказаться в неволе Тэмуджин мог, только будучи преданным. Видимо, у Сэчэ-бики и Тайчу были верные друзья, отомстившие за их казнь. Конечно, когда Чингис пользовался полным уважением и симпатией в орде, схватить его было трудно. Но предательское убийство улусного борца (Бури-Боко. – Ю. Д.) уронило авторитет хана. Тогда заговорщики осуществили свой замысел, полагая, что Тэмуджина, как и его предков, прибьют гвоздями к деревянному ослу (способ казни в империи Цзинь. – Ю. Д.). Но Тэмуджин имел важный чин (*чжаутхури*, примерно равный европейскому сотнику, титул отнюдь не важный. – Ю. Д.) за помощь против татар, и, может быть, поэтому его задержали, но не казнили. Это домысел, но версия не противоречит известным фактам. Остается неясным только, в каком году это произошло и насколько сближены описанные здесь события» [18, с. 444]. М. Биран тоже допускает возможность нахождения Тэмуджина в цзиньской неволе [19, с. 344]. Согласно П. Рачневскому, между поражением Тэмуджина от Джамухи при Далан-Бальчжуте, происшедшем не позднее 1187 г., и его походом

<sup>3</sup> Ход мысли и методология автора рассмотрены в статье А. С. Сараева: [17].



на татар в 1196 г. как раз и лежит покрытый неизвестностью промежуток времени около десяти лет. Именно эту цифру называет Чжао Хун. Однако П. Рачневский не считает нахождение Тэмучжина у чжурчжэней пленом. Напротив, он выдвигает гипотезу изгнанничества, признавая, впрочем, что она нуждается в дальнейшей разработке [20, с. 45–46].

По мнению Р. П. Храпачевского, специально остановившегося в одной из своих монографий на сюжете пленения Чингиса, никакого его заключения где-то за пределами степей не было. Десятилетний «плен» в Цзинь на самом деле являлся чем-то средним между рабством и потомственным вассалитетом (*ongu bogol*) у тайчжиутов, память о котором потом тщательно стиралась, но отголоски этого унижительного для Чингиса периода жизни все-таки сохранились в источниках. При этом многолетняя неволя у собственных родственников превратилась в кратковременное заточение, увенчавшееся благополучным бегством [21, с. 67–74].

Опираясь на доступные источники, рассмотрим вероятность обоих вариантов плена: тангутского и чжурчжэньского.

### **Тангутские кампании монголов**

В пользу предположения о пребывании Чингис-хана в тангутской неволе говорит настойчивость, с которой он стремился сначала покорить это государство, а после вообще стереть его с лица земли. Известное из «Сокровенного сказания монголов» невыполнение тангутским императором вассальных обязательств представляется недостаточным основанием для такой радикальной расправы, тем более что монголы развязали войну еще до его формального подчинения. Попробуем разобраться, когда именно Чингис-хан теоретически мог быть захвачен тангутами.

Тангуты ходили на монголов только один раз – в декабре 1205 г. – в отместку за совершенное теми нападение, но врага не обнаружили и вернулись<sup>4</sup>, а монгольские войска вторгались в тангутское государство Си Ся как минимум пять раз<sup>5</sup>: в 1205, 1207, 1209, 1218 (или в конце 1217) и

<sup>4</sup> Тангутское государство отличалось малой склонностью (или возможностями) к экспансионизму и имело достаточно стабильные границы. Даже монгольские набеги не заставили тангутов пересмотреть свою военную доктрину, что оказалось запечатленным в дополнениях к действовавшему кодексу законов, сделанных при императоре Цзунь Сяне (1211–1223) в годы под девизом правления «Гуан-дин» («Блестящее утверждение») (1211–1222) и получивших название «Новые законы»: «Армиям, начиная с... установить места дислокации. Поскольку [им] не определено вести сражения во вражеских пределах, [они] готовятся на границе, где их много расквартировано, и они ожидают день и ночь, в какое время вступить в сражение» [22, с. 76].

<sup>5</sup> П. Поуха, опирающийся на сведения и датировки Рашид ад-Дина и «Сокровенного сказания монголов», насчитывал шесть вторжений: в 1202, 1207, 1209–1210, 1211–1213, 1214–1219 и 1225/1226 гг. [23, с. 17]. Они в целом приняты и Л. Квонтоном, полагающим, что уже в 1207 г. тангутский император признал зависимость от монголов [24, с. 8]. Подобные взгляды на периодичность монголо-тангутских войн следует считать ошибочными.



1226 гг. Кроме того, еще несколько локальных нападений карательного характера могли иметь место в 1223–1224 гг., но, поскольку Чингис-хан в них не участвовал, еще не вернувшись из поверженного государства хорезмшахов, на них можно не заострять внимание.

Первое нападение было осуществлено весной 1205 г. под руководством не Чингис-хана, а перешедшего на его сторону киданя Елюй Ахая (ок. 1150 – ок. 1222) [21, с. 216–218; 25, с. 164–165]<sup>6</sup>. По мнению Р. Даннелл, хорошо осведомленный о тангутско-кереитских отношениях Елюй Ахай сам предложил атаковать Си Ся за симпатии этого государства к монгольским недругам кереитам, соответственно ему и было поручено руководство этой экспедицией [25, с. 165]. В то же время кажутся маловероятными какие-то личные мотивы мести этого выходца из киданьской императорской фамилии за прежнюю вражду между киданями и тангутами, вылившуюся в войны еще в XI в. Уже в первой четверти XII в. тангуты поддержали киданей в борьбе с чжурчжэнями. Первый монгольский удар пришелся по самым западным районам Си Ся.

Третье вторжение в 1209–1210 гг. закончилось убедительной победой монголов (тангуты признали свою зависимость и согласились на выплату дани, Чингис-хан получил в жены императорскую дочь), четвертое (1217 или 1218 г.), по-видимому, обошлось без активных военных действий и тоже возглавлялось кем-то другим, а пятое, начавшись в 1226 г., привело на следующий год к полному разгрому тангутского государства [27, с. 637–651].

Таким образом, поиски сужаются до второй тангутской кампании, в ходе которой, несмотря на некоторый успех (захват города Вулахай), монголы были блокированы в приграничных районах на северо-востоке Си Ся, где до весны 1208 г. занимались грабежом, а затем ушли. Если факт пленения Чингиса имел место, то это скорее всего должно было произойти в 1207–1208 гг.

Рассмотрим эти военные кампании более подробно, обращая особое внимание на поиск мотивов монгольских вторжений. В исследовательской литературе в качестве объяснения причин систематических нападений монголов на тангутскую державу высказывались различные точки зрения. Практически каждая из них не лишена объективности: банальный грабеж, характерный для кочевников Центральной Азии в течение почти всей их истории; месть за укрывательство врагов; обеспечение безопасности на правом фланге перед штурмом границ империи Цзинь; обеспечение безопасности в тылу перед началом грандиозного похода на Хорезм и т. д. Следует заметить, что разгадка мотивов, побуждавших кочевников раз за разом нападать на Си Ся, может не только пролить свет на особенности взаимоотношений монголов и тангутов, но и дать ключ к пониманию ранних этапов монгольской экспансии в XIII в.

<sup>6</sup> Впрочем, твердой уверенности в этом нет (см.: [26, с. 114]).



Источники более или менее согласуются между собой в датировках и особенностях столкновений монголов с тангутами, хотя нередко пропускают некоторые из них. Сообщения о наиболее важных кампаниях 1209–1210 и 1226–1227 гг. почти не имеют разночтений, причем вероятность пленения Чингис-хана в первой из них крайне мала, а во второй равна нулю. Впрочем, это не дает нам права упускать их из внимания, поскольку, как будет показано ниже, специфика монгольского рейда вглубь тангутских земель в 1209–1210 гг. может предоставить некоторые аргументы в пользу выдвигаемой в данной статье гипотезы.

Один из важнейших источников по ранней истории монголов – «Сокровенное сказание» – сообщает лишь о двух монголо-тангутских войнах, первая из которых произошла в год овцы (1211) и была для кочевников очень успешной: император Си Ся запросил мира, дал Чингис-хану свою дочь и «собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам» [10, § 249]. Очевидно, автор сдвинул хронологию на один-два года вперед, и речь на самом деле идет о событиях 1209–1210 гг. Его рассказ больше похож на фрагмент из былины, чем на отчет о столкновении двух держав, хотя он верно передает основные итоги кампании. Ключевым моментом, по-видимому, следует считать вассальную клятву тангутского императора быть «правой рукой» Чингис-хана – именно ее неисполнение позже будет поставлено тангутам в вину. Второй рассказ посвящен войне 1226–1227 гг., которая оказалась последней как в истории тангутского государства, так и в жизни Чингиса. События же 1218 г. подаются как монгольское посольство, а не военный набег. Почему же этот весьма информативный источник молчит о двух первых походах монголов на Тангут? Б. Я. Владимирцов заметил в связи с этим: «Можно думать, что сам Чингис не участвовал в этих походах и даже не особенно ими интересовался» [28, с. 177]. Возможно, причина несколько иная: если в первом походе Чингис-хан, скорее всего, не принимал личного участия, то второй как раз и ознаменовался очень неприятным инцидентом с его пленением. Трудно найти какой-либо иной весомый повод для игнорирования автором «Сокровенного сказания» столь важных для ранней истории монгольского государства и лично его главы событий, как рейды на оседлых соседей, особенно если эти рейды были успешными.

«Золотое сказание» Лубсана Данзана, в значительной части основанное на тексте «Сокровенного сказания», тоже описывает только два монгольских похода на тангутов, опуская два первых [29, с. 219–220]<sup>7</sup>. Разумеется, никаких намеков на плен Чингис-хана оно не содержит. Вообще, история Чингис-хана в подавляющем большинстве пропитанных буддийскими идеями монгольских сочинений XVII–XIX вв. – это история его

---

<sup>7</sup> Этому же нарративу следует и современный «Атлас Чингис-хана», демонстрирующий карты только двух монгольских кампаний 1209–1210 и 1226–1227 гг. [30, с. 40–41, 46–47].





триумфальных побед, своего рода процесс ритуального очищения земли от тирании злых ханов и установление вселенской гармонии. Последний поход на Си Ся сокращается в них до магического поединка Чингис-хана с тангутским императором и смерти великого завоевателя из-за коварства его новообретенной тангутской супруги – бывшей императрицы.

Официальная династийная история «Юань ши», составленная в 1269–1270 гг., более информативна, хотя и дает очень краткие описания кампаний. Согласно этому источнику, «в год и-чоу (с 22.01.1205 г. по 09.02.1206 г.) государь пошел походом на Си Ся, овладел укреплением Лицзили, подверг [осаде] город Лосы, много захватил людей с их верблюдами и вернулся обратно» [31, с. 146]. Целью этой кампании обычно считают месть тангутам за то, что они не выдали личного врага Тэмучжина Сангума – сына кереитского Ван-хана (Тоорила) [25, с. 164; 32, с. 207; 33, с. 38; 34, с. 40], который имел законные основания претендовать на власть в Кереитском ханстве, поглощенном монголами осенью 1203 г. Месть вполне гармонично сочетается с грабежом, который, в принципе, тоже может считаться одним из весьма эффективных инструментов мести. Впрочем, существует точка зрения, что первое вторжение монголов в Си Ся было одним из немногих, ничем не спровоцированных. Западные города тангутов были традиционной целью кочевников, желавших поживиться чужим скотом, и Чингис-хан просто последовал этой традиции [35, с. 103; 36, с. 159].

По-видимому, успех первого похода произвел на кочевников сильное впечатление. Судя по расставленным в источниках акцентам, особенно их обрадовало большое количество угнанных из Си Ся верблюдов – животных, высоко ценившихся и монголами, и тангутами. Не случайно в тангутской письменности «знаки, составляющие один из биномов, обозначающих верблюда, включают в себя элементы “драгоценный камень” и “корова”» [37, с. 121].

Информация о втором нападении в «Юань ши» столь же немногословна: «Осенью года дин-мао (август – начало ноября 1207 г.), 2-го [от установления правления], вторично ходили карательным походом на Си Ся, овладели городом Орохай» [31, с. 147]. Завершение этой кампании, успешность которой не получила в источнике никакой оценки, связывается персонально с Чингис-ханом: «Весной года у-чэнь (февраль – начало мая 1208 г.), 3-го [от установления правления], государь прибыл из Си Ся» [31, с. 147]. То же самое можно прочесть и в юаньском официозном сочинении «Описание личных походов священно-воинственного» [38, с. 180]. В дополненной в минское время компиляции «Тунцзянь ганму» информация о походе 1207–1208 гг. опущена [39, с. 111].

Параллельные сведения, подтверждающие сообщения «Юань ши», предоставляет Рашид ад-Дин. Вторая тангутская кампания описана у него очень кратко и без какой бы то ни было конкретики. Пойдя карательной экспедицией на Кашин (Тангут) осенью 1207 г., Чингис-хан



якобы «покорил всю ту область и вернулся назад победителем, победоносным и удовлетворенным» [14, с. 151]. Между тем точно известно, что монголы не овладели тогда всей тангутской державой. Достаточно вероятно, что за этой бравурной клишированной фразой скрывается факт их поражения, в результате которого Чингис-хан мог на некоторое время попасть в тангутские застенки.

Дополнительную пищу для размышлений дают тибетские источники. Некоторые из них утверждают, что именно в 1206 или 1207 г. Чингис-хан совершил триумфальный поход в Тибет и безо всякого кровопролития подчинил его своей власти: «В 45 лет<sup>8</sup>, когда [Чингис-хан] отправился в тибетскую [область] Уй, правители Джо-Га и Цалпа-Гунга-Дорчжэ организовали встречу и величайший праздник, четыре крыла Тибета – три округа Нгария, Уй и Цзан, три главных округа Юга все приветствовали его. Затем он отправил в Цзан, в Сакья, ламе Гунга-Ньинбо специального посланника с письмом и подарками. В тот момент, когда он не закончил некоторые главные военные действия для создания теперешнего царства, но подходил к концу этого мероприятия, [Гунга-Ньинбо] ответил: тебе вместе с сыновьями надобно развивать в стране Хор (Монголии. – Ю. Д.) религию Победоносного. Вследствие этого он не встретился с ним самим в действительности, но с самого начала принял его в качестве учителя, всех тибетцев освободил от налогов, сделал преподношения трем культам и монашеству Уйя и Цзана, стал милостынедателем [покровителем] религии дхарма-раджей» (цит. по: [40, с. 224], см. также: [41, с. 66; 42, с. 24–25; 43, с. 90]). В несколько ином виде эти сведения передает ордосский князь и историк Саган Сэцэн (1604–?), знакомый с тибетской историографией [44, с. 89; 45, с. 56–57]. Как достаточно убедительно показали Л. Квонтен и С. Кучера, за этими сообщениями угадываются реалии монгольских рейдов в Тангут [24, с. 15–17; 46, с. 265–266]. В задачи данной статьи не входит поиск ответов на вопросы, почему тибетские авторы датируют добровольное подчинение своей страны Чингис-хану 1206 или 1207 г., тогда как, по авторитетному мнению Л. Петека, в реальности монгольская власть укрепилась там лишь в 1268 г. [47, с. 21, 46], и почему они называют главным корреспондентом Чингис-хана ламу Гунга-Ньинбо, умершего еще в 1159 г. В данном случае вызывает интерес совпадение дат реального тангутского похода и вымышленного тибетского. К сожалению, источники не содержат каких-либо ключей для его объяснения, хотя позволяют предположить, что встреча монгольского хана с тибетскими ламами (но принадлежавшими к школе Цалпа, а не Сакья) могла действительно состояться в указанные годы на территории Си Ся, в духовной жизни которого они играли заметную роль. Это событие могло произойти в 1207 г., если мы исключаем участие Чингис-хана в первой

<sup>8</sup> Сумба-Хамбо принимает за год рождения Чингис-хана 1162-й, очевидно, следуя китайской историографии.



тангутской кампании и предполагаем, что в начале 1208 г. удача изменила грозному завоевателю, и он томился в тангутском плену, где о каком бы то ни было признании его власти тибетцами не могло быть и речи.

Причины, побудившие монголов напасть на Си Ся в 1207 г., как и цель их вторжения, – один из наименее ясных моментов в истории монголо-тангутских войн, в интерпретации которого у историков возникло больше всего разногласий. Видимо, во многом такая ситуация сложилась благодаря лапидарности сообщений источников об обстоятельствах этой кампании.

Еще в XIX в. К. Д'Оссон, а вслед за ним М. И. Иванин считали поводом к вторжению непредоставление тангутами Чингис-хану «условленной дани» [48, с. 79; 49, с. 23], хотя источники молчат о каких-либо договоренностях между монголами и тангутами по итогам набега 1205 г. Во всяком случае, тангуты тогда не стали данниками монголов.

По мнению Е. И. Кычанова, предлогом для нападения монголов на Си Ся в 1207 г. послужило неуважение тангутов к их предводителю, за год до этого провозглашенному Чингис-ханом [27, с. 669; 50, с. 48]. Это предположение также выглядит неубедительно. Учитывая расстановку сил в Центральной и Восточной Азии в описываемое время, следует признать, что никто из правителей оседлых государств (Цзинь, Южная Сун, Си Ся, Корея) не имел никаких оснований присылать в Монголию послов с поздравлениями, а Чингис-хан, в свою очередь, как реалистически мыслящий человек, не мог рассчитывать на подобные знаки внимания. По-видимому, потом ученый отказался от этой версии, поскольку в его более поздних работах она не звучит. Так, в вышедшей уже посмертно «Истории Китая», в разделе о Си Ся причина вторжения 1207 г. вообще не указана [51, с. 406].

Т. Барфилд объясняет поход 1207 г. необходимостью получения материальных средств для империи, рожденной в монгольских степях годом ранее [52, с. 305–306], что кажется вполне резонным. Первую тангутскую кампанию он почему-то игнорирует.

Р. Даннелл полагает, что истинной целью монголов в 1207 г. было не Си Ся, а Цзинь, к нападению на которую готовился Чингис-хан. Его атака на Вулахай должна была расчистить путь на юг, к границе Шаньси. Монголам нужно было контролировать Вулахай, чтобы обезопасить свой тыл, однако это у них не получилось. Успех пришел лишь в ходе следующей кампании, в 1209 г. [25, с. 168]. Эти предположения американской исследовательницы представляются справедливыми, так как хорошо известно, как в дальнейшем развивались монголо-чжурчжэньские отношения. Действительно, тангутские маневры Чингис-хана вполне можно принять за подготовку к нападению на Цзинь. Так и считают многие историки [53, с. 336; 54, с. 903; 55, с. 49; 56, с. 81–82; 57, с. 62]. Акции монголов на тангутском фронте наводят на мысль об их желании обезопасить свой правый фланг (и в идеале сделать императора Си Ся своей «правой рукой», как гласит текст «Сокровенного сказания»), но с не меньшей вероятностью



можно думать, что Чингис-хан просто использовал максимально доступный на тот момент канал обогащения, насущно ему необходимый для щедрого награждения тех людей, которые помогли ему подняться на вершину власти. Став главой всех кочевников Монголии, он не мог далее просто почивать на лаврах. Наоборот, он должен был вести своих соратников к новым победам и новым приобретениям. С этой необходимостью сталкивались все основатели кочевых империй и, как правило, решали ее путем вторжений на китайские земли. В начале XIII в. ситуация была иной: по-видимому, монголы еще не накопили достаточно сил, чтобы рискнуть вторгнуться на территорию Цзинь, которая отвечала на набеги кочевников не дарами, а успешными карательными экспедициями. В 1207 г. Чингис все еще был подданным чжурчжэней и вряд ли уже тогда планировал полномасштабную войну с могущественной империей. Открытый разрыв произошел тогда, когда там сменился император – место Чжан-цзуна (1190–1208) занял Вэйшао-ван (1208–1213), которого Чингис считал ничтожным лидером. Поэтому сначала великий хан направил войска на другое соседнее государство, которое в военном отношении уступало Цзинь, – на Си Ся, что давало ему возможность не только поживы, но и приобретения опыта борьбы с оседлыми державами. Таким образом, наиболее вероятно, что нападение на тангутскую территорию в 1207 г. все-таки было обычным грабительским рейдом.

Мотив «пробы сил» Чингис-хана на взломе обороны оседлой страны звучит в трудах современных ученых довольно часто. Первым его сформулировал, по-видимому, еще Х. Д. Мартин в 1942 г. в статье, ничуть с тех пор не устаревшей [58, с. 197]. Очевидно, к этому объяснению склоняется и Р. П. Храпачевский, приводящий в своей монографии цитату из современной «Истории военного дела Китая» (1986): «Чингисхан, через 2 года (в 1207 г.), повторно напал на Ся для изучения способов взятия городов-укреплений» [21, с. 220]. Свою позицию автор очерчивает ниже: целью похода 1207 г. могла быть разведка, а также проверка монгольской армии перед решительной атакой двумя годами позже [21, с. 281]. Иными словами, монгольский лидер уже тогда замыслил свести счеты с тангутами. Неужели только из-за укрывания последними его врагов? Если следовать старой степной стратегии «внешней границы», достаточно убедительно обрисованной Т. Барфилдом, Чингис-хан должен был быть больше заинтересован в сохранении Си Ся в качестве «дойной коровы», регулярно поставляющейномадам ткани, зерно, металл, верблюдов и т. д. в обмен на прекращение набегов, чем в ее единовременном разграблении и уничтожении. Гораздо логичней предполагать, что мысль о полном разгроме тангутской державы зародилась у него после неудач 1207–1208 гг., особенно если допустить вероятность его пленения тангутами. Такой позор надо было обильно смывать кровью. Как известно, Чингис-хан не забывал обиды.



Данное предположение подтверждается, полагаю, тем фактом, что характер войны кардинально изменился именно в 1209 г. Возможно, задачу кочевникам облегчил переход на их сторону ганьчжоуских уйгуров в этом же году, но не он был причиной. Судя по течению военных действий, на этот раз монголы шли на юг за окончательной победой, хотя мы не можем обоснованно утверждать, что именно они могли считать своим успехом – уничтожение Си Ся или его подчинение. Перипетии этой кампании достаточно хорошо известны и практически не вызывают споров, ввиду чего нет резона на ней останавливаться, тем более что ее ход не оставляет места для вероятного попадания Чингис-хана в плен. Однако подчеркну, что на рубеже 1209–1210 гг. государство тангутов реально стояло на пороге гибели. Если бы счастливая случайность не вынудила монголов снять осаду с Чжунсина, дело могло закончиться тотальной резней и практически неизбежной казнью императорской фамилии, а затем и ликвидацией последних очагов сопротивления в стране. Так или иначе, по итогам этой кампании император Си Ся признал свою зависимость от Чингис-хана, что наложило глубокий отпечаток на всю дальнейшую историю монголо-тангутских отношений.

Причина нового появления монголов под стенами Чжунсина в конце 1217 или начале 1218 г. неясна: ее не объясняет ни один имеющийся источник, вследствие чего исследователи вынуждены лишь выдвигать гипотезы, так или иначе отталкиваясь от сообщения «Сокровенного сказания» о монгольском посольстве к тангутам. Готовясь к походу на государство хорезмшахов, Чингис-хан потребовал у тангутского императора военную помощь: «“Ты обещаешь быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои золотые бразды”. Не успел еще Бурхан<sup>9</sup> дать ответа, как Аша-Гамбу<sup>10</sup> и говорит: “Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!” И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: “Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!”»

<sup>9</sup> Император Цзунь Сян. Будучи правителями буддийского государства, тангутские императоры имели эпитет «Будда», чему соответствует монгольское *бурхан*. Жак Гийом обосновывает бытование в Си Ся императорского титула «Небесный государь» [59, с. 60–65].

<sup>10</sup> Как показал Ю. Н. Рерих, это не личное имя, а скорее прозвище, составленное из этнонима *аша* (тиб. *A-za*, т. е. *туйюхунь*) и тангутского титула *гамбо* (старейшина, сановник) [60, с. 43]. Если понимать рассказы «Сокровенного сказания» о монголо-тангутских переговорах буквально, то получается, что практически вся вина за их провал и в 1218, и в 1225 г. лежит персонально на Аша-Гамбу, а не на тангутских императорах. Пока можно лишь гадать, на самом ли деле этот человек пользовался при дворе столь большим влиянием, что мог себе позволить выносить решения, от которых зависела судьба государства, или автор «Сокровенного сказания» имел какие-то неизвестные нам основания переложить груз ответственности за гибель Си Ся на его плечи.



[10, § 256]. По мнению Р. Даннелл, осада тангутской столицы была вызвана этой политической неудачей, хотя исследовательница признает, что это не могло произойти раньше поздней осени или зимы 1218 г. [25, с. 173].

Действительно, известия об уничтожении монгольского каравана в Отраре весной 1218 г. могли дойти до Чингис-хана в лучшем случае через несколько недель. Еще какое-то время требовалось на осмысление случившегося, сбор военачальников, обсуждение и выработку решения. В итоге Чингис-хан отправил к хорезмшаху новое посольство. Пока оно шло туда, и пока его остатки добирались обратно, минуло немало времени. Затем нужно было опять обсудить ситуацию. Когда решение о войне было принято, можно было посылать к тангутам с требованием войска. Это еще несколько недель. Таким образом, красочно описанный в «Сокровенном сказании» диалог монгольского дипломата с тангутскими властями (а точнее – с Аша-Гамбу) мог состояться спустя год после кампании 1217–1218 гг.

Е. И. Кычанов по поводу этих событий пишет: «Очевидно, монголы рассчитывали покончить с тангутским государством накануне великого похода на запад» [61, с. 306]<sup>11</sup>. Однако, судя по словам «Сокровенного сказания», они всего лишь хотели получить от тангутов военную помощь. Трудно, хотя и теоретически возможно, предположить следующее развитие событий: 1) монголы решают напасть на Хорезм, 2) они совершают очередную попытку уничтожить Си Ся, чтобы не оставлять в тылу ненадежного вассала, 3) не сумев взять тангутскую столицу сходу, они требуют у императора выполнения вассальных обязательств – выставления войска для совместного похода на Хорезм, 4) ничего не добившись, они на время оставляют тангутов в покое. Скорее, если нападение в 1217 г. имело место, оно могло быть вызвано положительной реакцией тангутского Цзунь Сяна на мирные инициативы чжурчжэньского императора Сюань-цзуна (1213–1223). Будучи невольным союзником монголов, Си Ся принимало участие в боевых действиях против Цзинь, поэтому всякие попытки тангутов примириться с чжурчжэнями не могли не раздражать монголов. Впрочем, возможен и другой вариант: тангуты промедлили с предоставлением военной помощи монголам, действовавшим против Цзинь. Чтобы заставить тангутского государя выполнить обещание «быть правой рукой» Чингис-хана (данное, впрочем, не им, а предыдущим императором)<sup>12</sup>, его можно было попробовать запугать угрозой

<sup>11</sup> В последнем, максимально полном варианте монографии данный эпизод монголо-тангутских войн описан короче и охарактеризован просто как «вторая попытка уничтожить Си Ся» [27, с. 672]. Видимо, следует отдать должное интуиции нашего выдающегося востоковеда: Чингис-хан явно «имел зуб» на тангутскую державу, в чем мы видим намек на жажду мести стране и народу, где грозный завоеватель, возможно, томился в неволе.

<sup>12</sup> Текст «Сокровенного сказания» позволяет думать, что его автор либо не знал о смене императоров в Си Ся, либо, что более вероятно, намеренно не придавал ей значения. Едва ли приход к власти нового тангутского императора мог произойти без ведома его монгольского сюзерена, которого тангуты были обязаны известить о таком важном событии.



штурма столицы, но этот план, если он был, провалился. Несомненно одно: до битвы дело на этот раз не дошло [32, с. 210].

Конечно, нужно иметь в виду, что подготовка к западному походу могла начаться еще до «Отрарской катастрофы», которая могла быть спровоцирована самими монголами. Следует также вспомнить о первом случайном столкновении войска сына Чингис-хана Джучи (1182–1227) с силами хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220) в 1217 г. Поэтому посольство могло явиться в Чжунсин на рубеже 1217–1218 гг., но пока это не более чем предположение. Однако в любом случае Чингис-хан не мог быть схвачен тангутами ни в 1217, ни в 1218 г.

Допустимо полагать, что непосредственно перед Западным походом монголы дважды демонстрировали силу с целью вынудить тангутского императора дать войска согласно вассальному договору: сначала для военных действий против Цзинь, затем – против хорезмшаха, либо в обратной последовательности. В тибетском источнике упоминается вторжение монголов в 1219–1220 гг. или несколько позже (но до 1226 г.), неудача которого приписана магическим способностям последнего тибетского императорского наставника Тиши Репа (1164/1165–1236), подвизавшегося при тангутском дворе в 1196/1197–1226/1227 гг.: «В год зайца я был приглашен в [столицу] Ся. После того, как инициация была запрошена, [мне] была представлена должность тиши. Затем, когда появились монгольские войска, я обеспечил защиту; монгольский командир умер, и войска затем отступили» [62, с. 18]<sup>13</sup>. Если эта инвазия номадов имела место, очевидно, что она направлялась не Чингис-ханом. Возможно, речь здесь идет о карательном походе 1223 г., а под умершим монгольским командующим следует понимать знаменитого полководца Мухали,

<sup>13</sup> Тиши Репа был учеником Жанга Юдрагпа Цондрю Дакпа (Жанг Ринпоче, 1122–1193), основателя Цалпа Кагью – одной из «четырех великих» традиций школы Кагью. Во время смуты Жанг Ринпоче прибегал к силовым методам наведения порядка в Лхасе и на дорогах, по которым передвигались паломники, и привлекал для борьбы с разбойниками своих учеников: «*Сиддха* (достигший совершенства. – Ю. Д.) Тиши Репа, услышал [о Ламе Жанге], прибыл. Он вступил в битву в Дуйпа. [Жанг] сказал: “Бросай во врага камни!” Дважды [Тиши Репа] бросал камни. На третий раз он подумал: “Я пришел ради Джармы, а не убивать людей!” – и не бросил [камень]. [Жанг] сказал: “[Как кармическое следствие твоего отказа воевать], ты [в будущем] дважды прогонишь приносящих учению вред, но на третий раз ты не сможешь прогнать их”, и говорят, что позже, в государстве Тангутов, он два раза прогонял монгольскую армию, но на третий раз не смог» [63, с. 220–221]. Есть предположение, что Тиши Репа запечатлен на тангутском живописном свитке Х-2400, датированном концом XII – началом XIII в. Внизу портрета изображена чета царственных донаторов, возможно, это Чюнь-ю (1194–1206) или Ань-цюань (1206–1211) с супругой [64, с. 50, 347–348]. Интересно, что позже сами монголы прибегали к магическим услугам тибетских лам в военных целях. Так, тантрические ритуалы, в том числе с призываниями Махакалы, использовались ими для достижения победы над войсками Южной Сун и в борьбе с внуком хагана Угэдэя (1229–1241) Хайду (ок. 1236–1301), оспаривавшего верховную власть у Хубилая (1260–1294) и его потомков [65, с. 308].



оставленного Чингис-ханом покорять Цзинь и скончавшегося в 1223 г., правда, вне связи с тангутскими делами.

Принимая во внимание все вышеизложенное, в заключение попытаюсь предложить гипотетическую реконструкцию событий на монголо-тангутском театре военных действий.

Относительно целей похода 1205 г. можно с равной долей вероятности предположить, что монголы пришли поживиться, используя как предлог невыдачу им беглого Сангума, или явились отомстить за невыдачу Сангума, а месть осуществлялась в традиционной форме убийств и грабежа. Во главе войска стоял Елюй Ахай. Рейд принес богатые трофеи.

В 1207 г. кочевники вновь пришли за добычей, воодушевленные успехом предыдущего набега. Теперь их возглавлял Чингис-хан. Однако тангуты дали жесткий отпор, блокировали монголов и, возможно, пленили Чингис-хана, которого к лету 1208 г. отпустили за выкуп или на каких-то иных условиях. Ввиду неудачного характера этого похода, источники либо умалчивают о нем, либо описывают его весьма схематично, а то и просто выдают желаемое за действительное.

Уже на следующий, 1209, г. Чингис-хан вновь появляется на тангутской границе, чтобы отомстить за позор плена. Его интересовал уже не грабеж – он намеревался покорить своего врага, отсюда целенаправленная осада столицы. Несмотря на то что взять Чжунсин ему не удалось, цель фактически была достигнута: тангутский император признал себя вассалом Чингис-хана, дал ему в жены свою дочь и обещал быть его «правой рукой». Возможно, монголы уже тогда планировали полностью уничтожить Си Ся, но они еще не имели для этого достаточных сил и опыта.

Сложнее воссоздать картину четвертого похода из-за хронологических неувязок. Казалось бы, цель его предельно ясна – посредством демонстрации силы Чингис-хан требовал войско для войны с Хорезмом, но на рубеже 1217–1218 гг. он сам еще не мог знать, как будут развиваться события на Западе, поскольку его караван достиг Хорезма только весной 1218 г. Задумывал ли он войну с хорезмшахом Мухаммадом еще до «Отрарской катастрофы», можно лишь гадать. Во всяком случае, согласно «Сокровенному сказанию», демонстрация не убедила тангутов, давших дерзкий ответ и оставшихся безнаказанными. Причину отсрочки возмездия историки видят в мобилизации монгольских сил на хорезмскую кампанию, вполне доверяя цитированным выше словам Чингис-хана из «Сокровенного сказания» [10, § 256]. Вернувшись в 1225 г. в Монголию, он уже без промедления приступил к подготовке броска на юг. Стычки монголов с тангутами в промежутке между 1218 и 1225 гг. во внимание можно не принимать.

В 1226 г. Чингис-хан отправился в свой последний поход на государство тангутов, чтобы раз и навсегда с ним покончить. Причин для этого было достаточно: и грубый отказ выставить войско, и подначивание кочевников к отделению от Чингис-хана в 1224 г., и заключение в этом же





году мира с Цзинь, и прием Шилгаксана-хоны (Чилагэсякуня) – сына разбитого монголами еще в 1218 г. наймана Кучлука, и даже самый факт полунезависимого существования<sup>14</sup>. Наконец, если плен Чингис-хана в тангутской державе действительно имел место, за это надо было серьезно поквитаться. В августе 1227 г. великий хан скончался в своем походном лагере на тангутской земле, а вслед за ним, согласно воле Чингис-хана, в небытие был отправлен сложивший оружие последний император Си Ся Вэймин Сянь (1226–1227) со всей своей семьей.

После ликвидации Си Ся приближенные почившего вождя старательно искореняли память о его тангутском плене, и она какое-то время оставалась в устной передаче без возможности попасть на страницы официальных историй. Достаточно вероятно, что разговоры на эту тему сурово пресекались и были чреваты большими неприятностями, ввиду чего довольно скоро это событие стало забываться. Говорить о нем вполголоса могли противники монголов, в том числе оказавшиеся среди них пленные европейцы, которые и поведали эту историю своему собрату по вере – Рубруку. Китайским чиновникам она не была известна, либо до сих пор не обрели более широкую известность их сочинения, в которых о ней сохранилась какая-то память.

### **Вероятность чжурчжэньского плена Чингис-хана**

Теперь кратко рассмотрим вероятность чжурчжэньского плена, которая еще более возрастает, если принять за год рождения Чингис-хана 1155, а не 1162 или 1167. Хронология событий в жизни Тэмучжина, достаточно подробно изложенная в «Сокровенном сказании», тем не менее содержит лакуны, одна из которых могла прийтись на время его пребывания у чжурчжэней, о чем говорилось выше. Смеем предположить, что Тэмучжин на самом деле оказался в Цзинь. Как он мог туда попасть? Бежал после проигранной своему побратиму Джамухе битвы, как предположил П. Рачневский? Не исключено. Был пленен на войне? Но о каких-либо столкновениях чжурчжэней с монголами в этот период источники не сообщают. Был захвачен в ходе карательной экспедиции чжурчжэней в степи? Возможно. Они практиковали такие рейды, называвшиеся «сокращением совершеннолетних» [13, с. 70], с целью ослабления кочевников.

А действительно ли юный Тэмучжин бежал от своего тайчжидско-го дяди Таргутай-Кирилтуха? Не был ли он вместо этого переправлен им к цзиньскому двору в заложники, как сын пусть и не особенно знатного, но все-таки лидера? Практика заложничества существовала здесь веками, во всяком случае, с эпохи хунну: сыновья кочевых вождей служили при дворе китайских императоров, будучи гарантами лояльности своих отцов. При этом за Великой стеной нередко оказывались потенциально

<sup>14</sup> Формально после открытого разрыва с монголами в 1224 г. энергичного тангутского императора Дэ-вана (1223–1226) Си Ся до лета 1227 г. было самостоятельной державой.



нежелательные элементы, которых отправляли туда буквально на заклятие, в нужное время провоцируя расправу нападением на китайскую границу. Источники подчеркивают крайне враждебное отношение Таргутай-Кирилтуха к Тэмучжину, в котором он якобы видел растущего опасного конкурента, но просто убить племянника он не мог, зато никто не препятствовал ему отправить его в стан врага на законных основаниях. Согласно генеалогии, приводящейся у Рашид ад-Дина, цзиньцы враждовали с предками Тэмучжина, поэтому он сам мог быть для них неплохим подарком, но чжурчжэни, видимо, были более хитры, чем тайчжиутский предводитель, и оставили его в качестве возможного противовеса самим же тайчжиутам. Такова была старая китайская политика в отношении «варваров», усвоенная и в сильно синизированной Цзинь. Через несколько лет Тэмучжин вернулся в степи, неся с собой точное знание об обстановке в «Золотой империи» и, быть может, обзаведясь там связями с оппозиционными силами, которые представляла, в первую очередь, киданьская элита. Это помогло ему в дальнейшем сравнительно быстро подорвать мощь Цзинь. Вряд ли случайно в его ближайший круг уже в первые годы XIII в. входили потомки киданьских императоров – братья Елюй Ахай и Елюй Тухуа. Знакомство с ними могло состояться не при дворе Ван-хана, как нередко думают, а раньше. Был ли он у чжурчжэней простым рабом, как говорит китайский дипломат, – вопрос, на который пока нет ответа.

## **Заключение**

Великий монгол мог волею судьбы побывать в застенках и у чжурчжэней, и у тангутов, но официальная историография Монгольской империи намеренно игнорировала эту негативную информацию<sup>15</sup>. Включало ли ее когда-то «Сокровенное сказание», мы не знаем. Насколько осторожно надо использовать данные этого памятника, хорошо видно, например, из описания в нем кровопролитной третьей тангутской кампании (1209–1210): «В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал Чингис-хану царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой» [10, § 249]. Как должно следовать из приведенной цитаты, не было ни боев, ни осады тангутской столицы, а император изъявил покорность еще на подступах к его владениям.

Отсутствие какой-либо информации о пребывании Чингис-хана в тангутской или чжурчжэньской неволе в монгольских источниках, а также в официальной историографии Монгольской империи выглядит вполне закономерным. Скорее всего, если бы монгольский владыка побывал в плену и купил свободу ценой каких-то уступок, сведения об этом

<sup>15</sup> Тайчжиутский «плен» надо рассматривать как внутриклановые разборки; строго говоря, он являлся не пленом, а «законным наказанием», как его квалифицирует безымянный автор «Сокровенного сказания монголов» [10, § 81].



имели мало шансов сохраниться в источниках, как бросающие тень на деифицированную фигуру великого вождя. Однако молва могла передаваться устно и так дойти до миссионеров и дипломатов, которые не имели причин ее скрывать.

Итак, в итоге можно заключить, что оба сообщения о нахождении Чингис-хана в плену хотя и остаются по-прежнему не доказанными, вполне могли иметь под собой реальную основу, и будем надеяться, что обнаружение аналогичных сведений в других источниках позволит когда-нибудь разгадать эту загадку из биографии «человека тысячелетия».

### Литература

1. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль; 1997. С. 86–189.
2. Michel F., Wright T. Voyage en Orient du Frère Guillaume de Rubruk. *Recueil de Voyages et de Mémoires (in French and Latin)*. Vol. 4. Paris: Chez Arthus-Bertrand, Libraire de la société; 1839. P. 199–396.
3. Hakluyt R. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratie 1253 ad partes Orientales. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation (in English and Latin)*. Vol. 1. London: George Bishop, Ralph Newberie, and Robert Baker; 1599. P. 71–121.
4. Jackson P. (ed.) *The Mission of Friar William of Rubruck. His journey to the court of the Great Khan Mongke 1253–1255*. Introduction, notes and appendices by Peter Jackson with David Morgan. London: The Hakluyt Society; 1990. XVI + 312 p.
5. Jong R. J., de. *Echoes in Eurasia: the name 'Tangut' and the Xixia Tanguts in European medieval and early modern sources, ca. 1250–1750*. Research MA Thesis (Asian Studies). Leiden: Leiden University; 2016. 87 p.
6. *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–1255, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Pian de Carpine*. Tr. from the Latin and ed., with an introductory notice, by W. W. Rockhill. London: The Hakluyt Society; 1900. LVI + 304 p.
7. *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль; 1997. 460 с.
8. Кепинг К. Б. Имя Чингис хана в тангутской песне. *Ксения Кепинг. Последние статьи и документы*. СПб.: Омега; 2003. С. 196–201.
9. Wilhelm von Rubruk. *Reisezu den Mongolen, 1253–1255*. Übersetzt und erläutert F. Risch. Leipzig: A. Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl; 1934. VIII + 336 S.
10. Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М.–Л.: Изд-во АН СССР; 1941. 619 с.
11. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова. М.–Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 222 с.
12. Кычанов Е.И. «Гимн священным предкам тангутов». *Письменные памятники Востока*. 1968. М.: Наука; 1970. С. 217–231.
13. *Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»)*. Факсимиле, пер. Н. Ц. Мункуева. М.: Наука; 1975. 287 с.



14. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.–Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 316 с.
15. Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана. В: Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. V. М.: Наука; 1968. С. 253–265.
16. Rachewiltz I., de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966;9(1/2):88–144.
17. Сараев А. С. Образ Чингисхана в работах Л. Н. Гумилева и проблема методики научного исследования. *Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева*. 2012;1(73, ч. 2):148–154.
18. Гумилев Л. Н. *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Мысль; 1992. 781 с.
19. Biran M. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire. *Medieval Encounters*. 2004;10:339–361.
20. Ratchnevsky P. *Činggis-Khan: sein Leben und Wirken*. Wiesbaden: F. Steiner Verlag; 1983. X + 207 S.
21. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ; 2005. 560 с.
22. «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.). Изд-во текста, пер., введ. и комм. Е. И. Кычанова. М.: Наука; ГРВЛ; 2013. 501 с.
23. Poucha P. *Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal*. Prag: [Б.и.]; 1956. 247 S.
24. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.
25. Dunnel R. The Fall of the Xia Empire: Sino-Steppe Relations in the late 12<sup>th</sup> – Early 13<sup>th</sup> Centuries. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Vol. 2. Los Angeles: University of Southern California; 1992. P. 158–185.
26. *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Ed. by Igor de Rachewiltz, Hok-Lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, Peter W. Geier. Wiesbaden: Harrassowitz; 1993. XXXVIII + 808 p.
27. Кычанов Е. И. *История тангутского государства*. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; 2008. 767 с.
28. Владимирцов Б. Я. *Работы по истории и этнографии монгольских народов*. М.: Восточная литература; 2002. 557 с.
29. Лубсан Данзан. *Алтан тобчи*. Пер. Н. П. Шастиной. М.: Наука; 1973. 440 с.
30. Bazargur D., Enkhbayar D. (ed.) *Chinggis Khan. Historic-geographic Atlas*. Ulaanbaatar: Enterprise of the State Administration of Geodesy and Cartography; 1997. 56 p.
31. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р. П. Храпачевского. *Золотая орда в источниках*. Т. III. *Китайские и монгольские источники*. М.: [Б.и.]; 2009. С. 121–291.
32. Dunnell R. Hsi-Hsia. In: Twitchett D. C. and Franke H. (eds) *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. P. 154–214.
33. May T. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books Ltd; 2012. 319 p.
34. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.
35. Prawdin M. *The Mongol Empire: its Rise and Legacy*. London: George Allen and Unwin Ltd; 1953. 582 p.



36. Peers Ch. *Genghis Khan and the Mongol War Machine*. Barnsley: Pen and Sword Books Ltd; 2015. XXII + 194 p.

37. Терентьев-Катанский А. П. *Материальная культура Си Ся*. М.: Восточная литература; 1993. 235 с.

38. Старинное китайское сказание о Чингисхане. Пер. архимандрита Палладия. *Восточный сборник*. Т. I. СПб.: Типогр. Министерства путей сообщения; 1877. С. 147–202.

39. Бичурин Н. Я. *История Тибета и Хуху-Нора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х.* Ч. II. СПб.: Императорская Академия наук; 1833. 268 с.

40. Пубаев Р. Е. «Пагсам-чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука; 1981. 307 с.

41. Das, Sarat Chandra. Contributions on the Religion, History, etc. of Tibet. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1882;LI(1):1–75.

42. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Т. II. Strassburg: Karl J. Trübner; 1896. IX + 456 S.

43. Коллмар-Пауленц К. Свет Дхармы против тумана тьмы. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века. *Исследования Tartaria Magna*. 2011;(1):86–103.

44. *Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originalexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt*. St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretschi; Leipzig: Gedruckt bei Card Cnobloch; 1829. XXIV + 511 S.

45. Хаадын үндэснийн эрдэнийн товч. Факсимиле, пер. на совр. монг. Ш. Чоймаа. Улаанбаатар: Болор Судар; 2011. (На монг. яз.) 536 с.

46. Кучера С. Завоевание монголами Тибета. *Монголо-татары в Азии и Европе*. Изд. 2-е. М.: Наука; 1977. С. 260–281.

47. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.

48. Д'Оссон К. *История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана*. Т. I: Чингиз-хан. Иркутск: Восточносибирское областное изд-во; 1937. XL + 252 с.

49. Иванин М. И. *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и средне-азиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза»; 1875. XII + 252 с.

50. Кычанов Е. И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си Ся. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М.: Наука; 1977. С. 46–61.

51. Кычанов Е. И., Солонин К. Ю. Государство Си Ся (982–1227). *История Китая с древнейших времен до начала XXI века*. Т. IV. Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука; ГРВЛ; 2016. С. 385–407.

52. Барфилд Т. *Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.)*. Пер. Д. В. Рухлядева и В. Б. Кузнецова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; 2009. 488 с.

53. Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. *Филология и история монгольских народов*. М.: Изд-во восточной литературы; 1958. С. 333–346.



54. Rachewiltz I., de (transl. and comment.) *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Vol. II. Leiden–Boston: Brill; 2004. P. 643–1347.

55. Biran M. *Chinggis Khan*. Oxford: Oneworld Publications; 2007. X + 182 p.

56. Хартог Л., де. *Чингисхан. Завоеватель мира*. М.: Олимп: АСТ: Астрель; 2007. 286, [1] с.: карты.

57. Кычанов Е. И. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся). *Монголика-Х*. СПб.: Петербургское востоковедение; 2013. С. 58–64.

58. Martin H. D. The Mongol Wars with Hsi Hsia (1205–27). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1942;74(3–4):195–228.

59. Jacques G. The Tangut Imperial Title. *Central Asiatic Journal*. 2010;54:60–65.

60. Рерих Ю. Н. Тангутский титул Джа Гамбу Керейтского. *Краткие сообщения Института народов Азии*. 1961;(44):41–44.

61. Кычанов Е. И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука; 1968. 355 с.

62. Sperling E. Further Remarks Apropos of the 'Ba'-Rom-Pa and the Tanguts. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2004;57(1):1–26.

63. Yamamoto C. S. *Vision and Violence: Lama Zhang and the Politics of Charisma in Twelfth-century Tibet*. Leiden–Boston: Brill; 2012. XVI + 389 p.

64. Самосюк К. Ф. *Буддийская живопись из Хара-Хото XII–XIV веков*. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа; 2006. 423 с.

65. Franke H. Tibetans in Yuan China. In: Langlois J. D. (ed.) *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press; 1981. P. 296–328.

### References

1. William de Rubruk. Travel to Eastern countries. *Travels to Eastern Countries*. Moscow: Mysl'; 1997, pp. 86–189. (In Russ.)

2. Michel F, Wright T. Voyage en Orient du Frère Guillaume de Rubruk. *Recueil de Voyages et de Mémoires (in French and Latin)*. Vol. 4. Paris: Chez Arthus-Bertrand, Libraire de la société; 1839, pp. 199–396.

3. Hakluyt R. Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratie 1253 ad partes Orientales. *The Principal Navigations Voyages Traffiques and Discoveries of the English Nation (in English and Latin)*. Vol. 1. London: George Bishop, Ralph Newberie, and Robert Baker; 1599, pp. 71–121.

4. Jackson P. (ed.) *The Mission of Friar William of Rubruck. His journey to the court of the Great Khan Mongke 1253–1255*. Introduction, notes and appendices by Peter Jackson with David Morgan. London: The Hakluyt Society; 1990. XVI + 312 p.

5. Jong R. J., de. *Echoes in Eurasia: the name 'Tangut' and the Xixia Tanguts in European medieval and early modern sources, ca. 1250–1750*. Research MA Thesis (Asian Studies). Leiden: Leiden University; 2016. 87 p.

6. Rockhill W. W. (tr. from the Latin and ed., with an introductory notice) *The journey of William of Rubruck to the eastern parts of the world, 1253–1255, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Pian de Carpine*. London: The Hakluyt Society; 1900. LVI + 304 p.



7. *Travels to Eastern Countries*. Moscow: Mysl'; 1997. 460 p. (In Russ.)
8. Keping K. B. The name of Genghis Khan in the Tangut song. *Ksenia Keping. Last works and documents*. St. Petersburg: Omega; 2003, pp. 196–201. (In Russ.)
9. Risch F. (Übersetzt und erläutert) *Wilhelm von Rubruk, Reise zu den Mongolen, 1253–1255*. Leipzig: A. Deichertsche Verlagsbuchhandlung D. Werner Scholl; 1934. VIII + 336 S.
10. Kozin S. A. *The Secret history. Mongolian chronicle of 1240*. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1941. 619 p. (In Russ.)
11. Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 1. Transl. by L. A. Khetagurov. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1952. 222 p. (In Russ.)
12. Kychanov E. I. "Hymn to the Sacred Ancestors of the Tanguts". *Written Monuments of the East*. Moscow: Nauka; 1970, pp. 217–231. (In Russ.)
13. Munkuev N. Ts. (transl.) *Meng-da bei-lu ("Complete Description of the Mongol-Tatars")*. Facsimile. Moscow: Nauka; 1975. 287 p. (In Russ.)
14. Rashid al-Din. *Collection of Chronicles*. Vol. I. Book 2. Transl. by O. I. Smirnova. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. 316 p. (In Russ.)
15. Barthold V. V. Formation of the Empire of Genghis Khan. In: Barthold V. V. *Essays*. Vol. V. Moscow: Nauka; 1968, pp. 253–265. (In Russ.)
16. Rachewiltz I, de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966;9(1/2):88–144.
17. Saraev A. S. The Image of Genghis Khan in the Works of L. N. Gumilev and the Problem of the Methodology of Scientific Research. *Bulletin of ChSPU named after I. Ya. Yakovlev*. 2012;1(73, pt. 2):148–154. (In Russ.)
18. Gumilev L. N. *Old Russia and the Great Steppe*. Moscow: Mysl'; 1992. 781 p. (In Russ.)
19. Biran M. The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire. *Medieval Encounters*. 2004;10:339–361.
20. Ratchnevsky P. *Činggis-Khan: sein Leben und Wirken*. Wiesbaden: F. Steiner Verlag; 1983. X + 207 S.
21. Khrapachevsky R. P. *Military Power of Genghis Khan*. Moscow: AST; 2005. 560 p. (In Russ.)
22. Kychanov E. I. (transl. and comment.) "New laws" of the Tangut State (the First Quarter of the XIII Century). Moscow: Nauka; GRVL; 2013. 501 p. (In Russ.)
23. Poucha P. *Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal*. Prag: [Б.и.]; 1956. 247 S.
24. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.
25. Dunnell R. The Fall of the Xia Empire: Sino-Steppe Relations in the late 12<sup>th</sup> – Early 13<sup>th</sup> Centuries. *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery*. Vol. 2. Los Angeles: University of Southern California; 1992, pp. 158–185.
26. Rachewiltz I, de, Hok-Lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, Geier P. W. (ed.) *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden: Harrassowitz; 1993. XXXVIII + 808 p.
27. Kychanov E. I. *History of the Tangut State*. St. Petersburg: Facultet filologii i iskusstv SPbGU; 2008. 767 p. (In Russ.)



28. Vladimirtsov B. Ya. *Works on the History and Ethnography of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaja literature; 2002. 557 p. (In Russ.)

29. Lubsan Danzan. *Altan tobci*. Transl. by N. P. Shastina. Moscow: Nauka; 1973. 440 p. (In Russ.)

30. Bazargur D., Enkhbayar D. (ed.) *Chinggis Khan. Historic-geographic Atlas*. Ulaanbaatar: Enterprise of the State Administration of Geodesy and Cartography; 1997. 56 p.

31. Khrapachevskiy R. P. (transl.) Chinese dynastic history “Yuan Shi (Official history of the [dynasty] Yuan)”. *The Golden Horde in sources*. Vol. III: *Chinese and Mongolian sources*. Moscow: [w. p.]; 2009, pp. 121–291. (In Russ.)

32. Dunnell R. Hsi-Hsia. In: Twitchett D. C. and Franke H. (eds) *The Cambridge History of China*. Vol. 6. Cambridge: Cambridge University Press; 1994, pp. 154–214.

33. May T. *The Mongol Conquests in World History*. London: Reaktion Books Ltd; 2012. 319 p.

34. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.

35. Prawdin M. *The Mongol Empire: its Rise and Legacy*. London: George Allen and Unwin Ltd; 1953. 582 p.

36. Peers Ch. *Genghis Khan and the Mongol War Machine*. Barnsley: Pen and Sword Books Ltd; 2015. XXII + 194 p.

37. Terentev-Katansky A. P. Material culture of the Xi Xia. Moscow: Vostochnaja literature; 1993. 235 p. (In Russ.)

38. Archimandrite Palladius (transl.) The Old Chinese Legend of Genghis Khan. *The Eastern collection*. Vol. I. St. Petersburg: Tipografija Ministerstva putej soobschenija; 1877, pp. 147–202. (In Russ.)

39. Bichurin N. Ya. *History of Tibet and Khukhu-Nor from 2282 B. C. to 1227 A. D*. Pt. II. St. Petersburg: Imperatorskaja Akademija nauk; 1833. 268 p. (In Russ.)

40. Pubaev R. E. “Pagsam-chzonsan” – a Monument of the Tibetan Historiography of the XVIII Century. Novosibirsk: Nauka; 1981. 307 p. (In Russ.)

41. Das, Sarat Chandra. Contributions on the Religion, History, etc. of Tibet. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1882;LI(1):1–75.

42. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Vol. II. Strassburg: Karl J. Trübner; 1896. IX + 456 S.

43. Kollmar-Paulenz K. The Light of Dharma against the Fog of Darkness. Tibetan Perception of the Mongols and the Formation of a New Mongolian Identity early in the 17<sup>th</sup> Century. *Studies of Tartaria Magna*. 2011;(1):86–103. (In Russ.)

44. *Geschichte der Ost-Mongolen und Ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen übersetzt, und mit dem Originalexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben von Isaac Jacob Schmidt*. St. Petersburg: Gedruckt bei N. Gretschi; Leipzig: Gedruckt bei Card Cnobloch; 1829. XXIV + 511 S.

45. Choimaa Sh. (transl. into the current Mongolian) *Precious summary of the pedigree of the kings*. Facsimile. Ulaanbaatar: Bolor Sudar; 2011. 536 p. (In Mongol.)

46. Kuchera S. The Mongol Conquest of Tibet. *The Mongol-Tatars in Asia and Europe*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow: Nauka; 1977, pp. 260–281. (In Russ.)





47. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.
48. D’Osso K. *History of the Mongols since Genghis Khan to Tamerlane*. Irkutsk: Vostochnosibirskoe oblastnoe izdatel’stvo; 1937. XL + 252 p. (In Russ.)
49. Ivanin M. I. *On the Military Art and Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples under Genghis Khan and Tamerlane*. St. Petersburg: Tipografija tovarishchestva “Obshchestvennaja pol’za”; 1875. XII + 252 p. (In Russ.)
50. Kychanov E. I. Mongol-Tangut Wars and the Destruction of the Xi Xia State. *The Mongol-Tatars in Asia and Europe*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow: Nauka; 1977, pp. 46–61. (In Russ.)
51. Kychanov E. I., Solonin K. Yu. The State of Xi Xia (982–1227). In: Popova I. F. (ed.) *History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century*. Vol. IV. Moscow: Nauka; GRVL; 2016, pp. 385–407. (In Russ.)
52. Barfield T. *Dangerous Border: Nomadic Empires and China (221 B C – 1757 AD)*. Transl. by D. V. Rukhlyadev and V. B. Kuznetsov. St. Petersburg: Facultet filologii i iskusstv SPbGU; 2009. 488 p. (In Russ.)
53. Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaja literature; 1958, pp. 333–346. (In Russ.)
54. Rachewiltz I, de (transl. and comment.) *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Vol. II. Leiden–Boston: Brill; 2004, pp. 643–1347.
55. Biran M. *Chinggis Khan*. Oxford: Oneworld Publications; 2007. X + 182 p.
56. Hartog, Leo de. *Genghis Khan. The Conqueror of the World*. Moscow: Olymp AST: Astrel’; 2007. 286, [1] p.: cards. (In Russ.)
57. Kychanov E. I. Tangut-Tatar Border in the First Quarter of the XIII Century (According to the Text of the “New Laws” of Xi Xia). *Mongolica-X*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2013, pp. 58–64. (In Russ.)
58. Martin H. D. The Mongol Wars with Hsi Hsia (1205–27). *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1942;74(3–4):195–228.
59. Jacques G. The Tangut Imperial Title. *Central Asiatic Journal*. 2010;54:60–65.
60. Roerich Yu. N. Tangut Title of Ja Gambu of Kereit. *Brief Reports of the Institute of Peoples of Asia*. 1961;(44):41–44. (In Russ.)
61. Kychanov E. I. Essay on the History of the Tangut State. Moscow: Nauka; 1968. 355 p. (In Russ.)
62. Sperling E. Further Remarks Apropos of the ‘Ba’-Rom-Pa and the Tanguts. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2004;57(1):1–26.
63. Yamamoto C. S. *Vision and Violence: Lama Zhang and the Politics of Charisma in Twelfth-century Tibet*. Leiden–Boston: Brill; 2012. XVI + 389 p.
64. Samosyuk K. F. *Buddhist Painting from Khara-Khoto of the XII–XIV Centuries*. St. Petersburg: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha; 2006. 423 p. (In Russ.)
65. Franke H. Tibetans in Yuan China. In: Langlois J. D. (ed.) *China under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press; 1981, pp. 296–328.



## HISTORY OF THE EAST

Drobyshev Yu. I. Tangut captivity of Genghis Khan  
*Orientalistica*. 2021;4(2):380–405

### Информация об авторе

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия.

### Information about the author

Yuliy I. Drobyshev – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow of the department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

### Author's Links



### Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

### Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

### Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 января 2021  
Одобрена после рецензирования: 08 февраля 2021  
Принята к публикации: 03 апреля 2021  
Опубликована: 29 июня 2021

### Article info

Submitted: January 17, 2021  
Approved after peer reviewing: February 08, 2021  
Accepted for publication: April 03, 2021  
Published: June 29, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

### Информация о рецензировании

«*Ориенталистика*» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

### Peer review info

*Orientalistica* thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.